

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Э. В. Ильенков

ДИАЛЕКТИКА
АБСТРАКТНОГО
И КОНКРЕТНОГО
В „КАПИТАЛЕ“
МАРКСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Эвальд Васильевич Ильенков
**Диалектика абстрактного и конкретного
в «Капитале» Маркса**

*Утверждено к печати
Институтом философии
Академии наук СССР*

* * *

Редакторы издательства *В. В. Давыдов, Н. С. Злобин*
Переплет художника *Г. Ф. Вильфорта*
Технический редактор *С. Г. Маркович*

* * *

РИСО АН СССР № 56-105В. Сдано в набор 17/X 1959 г.
Подписано к печати 13/II 1960 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Печ. л. 9(18). Уч.-издат. л. 14,8 Усл. печ. л. 14,76.
Тираж 6 000 экз. Т-00292. Изд. № 2796. Тип. зак. № 1047.
Цена 9 р. 90 к.

* * *

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Г л а в а п е р в а я . Дialectическое и метафизическое понимание конкретного	5
Определение конкретного у Маркса	5
Об отношении представления к понятию	13
Понятие «человек» и некоторые выводы из его анализа	29
Конкретное и диалектика общего и единичного	38
Конкретное единство как единство противоположностей	58
Г л а в а в т о р а я . Единство абстрактного и конкрет- ного — закон мышления	72
Абстрактное как выражение конкретного	72
Диалектическое и эклектически-эмпирическое пони- мание всесторонности рассмотрения	77
Спиралевидный характер развития действительности и ее теоретического отражения	87
Научная абстракция (понятие) и практика	101
Г л а в а т р е т ь я . Восхождение от абстрактного к кон- кретному	112
К постановке вопроса	112
Гегелевское понимание конкретного	128
Взгляд Маркса на процесс развития научного позна- ния	139
Материалистическое обоснование способа восхож- дения от абстрактного к конкретному у Маркса	148
Индукция Адама Смита и дедукция Давида Рикардо. Точки зрения Локка и Спинозы в политической эконо- мии	160
Дедукция и проблема историзма	178

<i>Глава четвертая.</i> Логическое развитие и конкретный историзм.	186
О различии логического и исторического способов исследования	186
Логическое развитие как выражение конкретного историзма в исследовании	192
Абстрактный и конкретный историзм	197
<i>Глава пятая.</i> Способ восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» Маркса	209
Конкретная полнота абстракции и анализа как условие теоретического синтеза	209
Противоречие как условие развития науки	221
Противоречия трудовой теории стоимости и их диалектическое разрешение у Маркса	225
Противоречие как принцип развития теории	244

АКАДЕМИЯ НАУК С

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИ

Э. В. Илѐнкоѵ

**ДИАЛЕКТИКА
АБСТРАКТНОГО
И КОНКРЕТНОГО
В „КАПИТАЛЕ”
МАРКСА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
1960

Ответственный редактор
М. М. РОЗЕНТАЛЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга принадлежит молодому научному работнику, посвящающему свои исследования вопросам диалектической логики. Нет нужды здесь специально останавливаться на значении разработки этой важной области марксистской философской науки. Как запросы дальнейшего развития естествознания и общественных наук, так и потребности современной общественной практики настоятельно выдвигают проблемы диалектической логики на один из первых планов. На это указывал еще В. И. Ленин, требуя от философов-марксистов максимального внимания к этим проблемам. Ленин же в своих «Философских тетрадах» и других трудах оставил ценнейшие указания относительно того, по каким линиям должна вестись эта работа.

Среди ленинских указаний большое значение имеют его мысли о максимальном использовании для дальнейшего развития диалектической логики и теории познания «Капитала» К. Маркса. Как известно, Ленин считал, что это великое произведение научного социализма представляет собой логику «с маленькой буквы», т. е. что Маркс применил к исследованию политической экономии капитализма и обоснованию неизбежности революционного преобразования общества диалектику во всем ее богатстве. И Ленин настойчиво рекомендовал всесторонне исследовать диалектику «Капитала» — этот классический образец того, как надо понимать и применять марксистский метод познания.

В книге Э. В. Ильенкова исследуется одна из наиболее существенных и интересных сторон диалектического метода, которую сам Маркс охарактеризовал как способ

восхождения от абстрактного к конкретному. На наш взгляд, проделанная автором работа заслуживает внимания читателей, интересующихся марксистской философией, и займет свое место в литературе, исследующей философское значение «Капитала».

При общем правильном подходе к проблеме диалектики абстрактного и конкретного в книге содержатся и такие положения, которые требуют дальнейшего обсуждения. Да едва ли и сам автор книги претендует на полную непогрешимость всех своих высказываний. К сожалению, до недавнего времени вопросы диалектической логики недостаточно привлекали наше внимание, вследствие чего они не подвергались необходимому обсуждению. Творческие споры и научные дискуссии по этим вопросам на базе изучения великого наследия классиков марксизма-ленинизма и современных данных естествознания и общественной практики будут несомненно весьма полезными и окажут благотворное влияние на дальнейшее развитие диалектической логики.

Профессор М. Розенталь

Глава первая

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ И МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ КОНКРЕТНОГО

Определение конкретного у Маркса

Известно, что Маркс определяет конкретное как «единство многообразного»¹. С точки зрения традиционной формальной логики это определение может показаться парадоксальным: ведь сведение чувственно-данного многообразия к единству представляется на первый взгляд задачей выработки не конкретного, а как раз наоборот, абстрактного знания о вещах. С точки зрения этой логики, осознать единство в чувственно воспринимаемом многообразии явлений — значит выявить то абстрактно-общее, одинаковое, которым обладают все эти явления. Это абстрактно отвлеченное единство, зафиксированное в сознании с помощью общего термина, и представляется на первый взгляд тем самым «единством», о котором только и может идти речь в логике.

Действительно, если понимать переход от живого созерцания и представления к понятию, от чувственной ступени познания к рациональной, только как процесс сведения чувственно-данного многообразия к простому абстрактному единству, то определение Маркса обязательно покажется выражением, неоправданным с точки зрения «логической» терминологии.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12. Госполитиздат, 1959, стр. 727.

Все дело, однако, в том, что взгляды Маркса опираются на совершенно иные представления о мышлении, о его цели и задачах, нежели те, на основе которых строила свою теорию старая, недиалектическая логика. Это отражается не только в существе решения логических проблем, но и в терминологии. И это неизбежно: «В науке каждая новая точка зрения влечет за собой революцию в ее технических терминах»².

Если Маркс определяет конкретное как единство многообразного, то здесь предполагается диалектическое понимание и единого, и многого, и их отношения друг к другу. Единство в диалектике понимается прежде всего как связь, как взаимосвязь и взаимодействие различных явлений в составе некоторой системы, совокупности, а вовсе не как абстрактное подобие этих явлений друг другу. Это диалектическое значение термина «единство» и предполагается определением Маркса.

Определение конкретного, данное Марксом, означает, если несколько развернуть его афористически краткую формулу, буквально следующее: *конкретное, конкретность* — это прежде всего синоним реальной связи явлений, сцепления и взаимодействия всех сторон, моментов предмета, данного человеку в созерцании и представлении. Под конкретным понимается тем самым внутренне расчлененная совокупность различных форм существования предмета, неповторимое сочетание которых характерно только для данного предмета. Единство, понимаемое так, осуществляется не через подобие явлений друг другу, а как раз наоборот, через их различие и противоположность.

Такое понимание единого во многом (или конкретности), очевидно, не только не совпадает с тем пониманием, из которого исходила старая логика, но и прямо ему противоположно. Оно сближается здесь по смыслу с понятием целостности, и Маркс часто в качестве синонима конкретности употребляет также термин «тотальность», которому в русском языке как раз и соответствуют слова «целостность», «целокупность». К этому термину Маркс прибегает в тех случаях, когда ему приходится охарактеризовывать предмет как единое, связанное во

² К. М а р к с. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 29.

всех его многообразных проявлениях целое, как «органическую систему» взаимообуславливающих друг друга явлений в противоположность метафизическому представлению о нем, как о механическом агрегате неизменных составных частей, связанных между собой лишь внешне, более или менее случайно.

Самое важное в марксовом определении конкретного заключается в том, что оно оказывается прежде всего объективной характеристикой предмета, рассматриваемого совершенно независимо от всех тех эволюций, которые происходят в познающем субъекте. Конкретен предмет сам по себе, «в себе», независимо от того, постигается ли он мышлением или воспринимается органами чувств. Конкретность не создается в процессе отражения предмета в субъекте ни на чувственной ступени этого отражения, ни на рационально-логической.

Иными словами, «конкретное» — это прежде всего такая же предметная, объективная категория, как и любая категория материалистической диалектики, как «необходимое» или «случайное», как «сущность» или «явление». Она выражает собой всеобщую форму развития и природы, и общества, и мышления. В системе взглядов К. Маркса «конкретное» ни в коем случае не есть синоним чувственно-наглядного, непосредственно-созерцаемого.

Поскольку «конкретному» противопоставляется «абстрактное», это последнее трактуется Марксом также прежде всего предметно. Для Маркса это ни в коем случае не синоним лишь «чисто-мыслимого», лишь продукта умственной деятельности, лишь субъективно-психологического феномена, имеющего место только под черепной крышкой индивидуума. Маркс сплошь и рядом использует этот термин в качестве характеристики реальных, вне сознания существующих явлений и отношений, независимо от того, отражены они в сознании или нет.

Так, например, Маркс говорит в «Капитале» об «абстрактном труде». Здесь «абстрактность» выступает как объективная характеристика той формы, которую человеческий труд приобретает в развитом товарно-капиталистическом производстве. Автор «Капитала» настойчиво подчеркивает, что сведение различных видов труда

к лишенному различий, однородному, простому труду — «...это — абстракция, которая в общественном процессе производства совершается ежедневно». Это — «...не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух»³.

В определении золота как «материального бытия абстрактного богатства» также выражается его специфическая функция в организме товарно-капиталистической формации, а вовсе не в сознании теоретика или практика.

Такое употребление термина «абстрактное» отнюдь не есть терминологическая прихоть Маркса: оно связано с самым существом его логических воззрений, с диалектическим пониманием отношения форм мышления и форм предметной, объективной реальности, с пониманием практики (чувственно-предметной деятельности) как критерия истинности абстракций мышления.

Еще меньше это словоупотребление можно объяснить как «атавизм гегельянства»: именно против Гегеля направлено известное положение Маркса о том, что «простейшая экономическая категория, например меновая стоимость... не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного живого целого»⁴.

«Абстрактное» в подобном, очень часто встречающемся у Маркса, контексте приобретает смысл «простого», неразвитого, одностороннего, фрагментарного, «чистого» (т. е. не осложненного деформирующими воздействиями). Само собой понятно, что в этом смысле «абстрактное» вполне может выступать в качестве объективной характеристики реальных явлений, а не только явлений сознания.

«Чистота (абстрактная определенность), с которой в древнем мире выступают торговые народы — финикийцы, карфагеняне, — дана как раз самим преобладанием земледельческих народов»⁵ — и, уж конечно, не преобладанием «абстрагирующей силы мысли» фини-

³ К. М а р к с. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1953, стр. 15.

⁴ Там же, стр. 214.

⁵ Там же, стр. 222.

кийцев или ученых, пишущих историю Финикии. «Абстрактное» в данном смысле вовсе не есть продукт и результат мыслящей деятельности. От мышления этот факт зависит так же мало, как и то обстоятельство, что «абстрактный закон размножения существует только для растений и животных».

Согласно Марксу, «абстрактное» (как и его противоположение, «конкретное») есть категория диалектики, как науки о всеобщих формах развития природы, общества и мышления, а уже на этой основе — также и категория логики, ибо диалектика и есть *Логика* марксизма.

Такое предметное толкование категории абстрактного направлено своим полемическим острием против всевозможных разновидностей неокантианской логики и гносеологии, грубо метафизически противопоставляющих «чистые формы мышления» — формам объективной реальности. Для этих школ в логике «абстрактное» — это только форма мысли, в то время как «конкретное» — форма чувственно-наглядного образа. Это узкогносеологическое толкование, характерное для всех представителей юмистско-миллевской и кантианской традиций в логике (например, Челпанов и Введенский в России), совершенно чуждо и враждебно самой сути диалектики как логики и теории познания.

В современной буржуазной философии узкогносеологическая (т. е. в конце концов, по существу психологическая) интерпретация категорий абстрактного и конкретного утвердилась прочно. Вот свежий пример — определение «Философского словаря» Макса Апеля и Петера Людда:

«АБСТРАКТНОЕ: изъятое из некоторой данной взаимосвязи и рассматриваемое само по себе (*für sich allein*). Т. о. А. имеет смысл понятийного, мыслимого в противоположность наглядно созерцаемому.

АБСТРАКЦИЯ: логическое действие, посредством которого через опускание признаков поднимаются от наглядно-созерцаемой данности к общему представлению и от данного понятия к обобщающему. А. обедняет содержание и расширяет объем. Противоположность А. — детерминация».

«КОНКРЕТНОЕ: непосредственно, наглядно созерцаемое. Конкретные понятия обозначают созерцаемое,

отдельные объекты созерцания. Противопонятие — абстрактное (см.)»⁶.

Это одностороннее определение (абстракция, конечно — и умственное отвлечение, но ни в коем случае не сводится к нему) с незначительными вариациями кочует из словаря в словарь, к какой бы разновидности идеализма ни принадлежал его составитель. Оно отшлифовалось в десятках изданий и стало общепринятым среди буржуазных философов. Это, разумеется, вовсе не свидетельствует о его правильности. Свидетельствует это только о том, насколько чужда диалектика современной буржуазной философии и логике.

«Конкретное понятие» сводится этими дефинициям к «обозначению» наглядно-созерцаемых единичных вещей, к простому знаку, символу. В мышлении, иными словами, «конкретное» присутствует лишь номинально, лишь в качестве «обозначающего имени». С другой стороны, «конкретное» превращено в синоним неосмысленной, неопределенной «чувственной данности». Ни конкретное, ни абстрактное согласно этим дефинициям нельзя применять в качестве характеристик теоретического знания по его реальному предметному содержанию. Они характеризуют лишь «форму познания», — «конкретное» — форму чувственного познания, а «абстрактное» — форму мысли, форму рационального познания. Иными словами, они относятся к разным сферам психики, к разным предметам. Там, где есть конкретное — нет абстрактного, и наоборот. Вот и вся премудрость этих дефиниций.

Совсем по-иному вопрос об отношении абстрактного к конкретному выглядит с точки зрения Маркса, с точки зрения диалектики, как логики и теории познания.

Этот вопрос лишь на первый взгляд кажется только «гносеологическим» вопросом, вопросом об отношении умственного отвлечения к чувственно-воспринимаемому образу. На самом деле он гораздо шире и глубже по своему реальному содержанию, и в ходе анализа неизбежно оборачивается совсем другой проблемой, — проблемой отношения предмета к самому себе, т. е. отно-

⁶ Philosophisches Wörterbuch. D-r M. Apel, D-r P. Ludz. Berlin, 1958, S. 4—5, 162.

шения различных моментов предметной реальности друг к другу в составе некоторого конкретного целого. Поэтому и решается этот вопрос в первую очередь в плане объективной диалектики, — в плане учения о всеобщих формах и закономерностях развития природы, общества и самого мышления, — а не в узкогносеологическом плане, как у неокантианцев, как у позитивистов.

Поскольку же речь заходит у Маркса о гносеологическом аспекте проблемы, постольку под абстрактным понимается любое одностороннее, неполное, однобокое отражение предмета в сознании, — в противоположность конкретному знанию, как знанию развитому, всестороннему, исчерпывающему. При этом совершенно безразлично, в какой субъективно-психологической форме это знание «переживается» субъектом — в форме чувственно-наглядного образа или же в словесно-отвлеченной форме. Логика (диалектика) Маркса и Ленина устанавливает свои различения не с точки зрения субъективной формы переживания, а с точки зрения объективного, предметного смысла и значения знания. В виде наглядного образа может быть усвоено знание бедное, тощее, однобокое. Логика в этом случае должна будет квалифицировать его как «абстрактное» знание, несмотря на всю его наглядность. И наоборот, в словесно-отвлеченной форме, на языке формул, прекрасно может быть выражено знание богатое, развитое, глубокое и всестороннее, — то есть конкретное.

«Конкретность» не есть ни синоним, ни привилегия чувственно-образной формы отражения действительности в сознании, так же как «абстрактность» не есть специфическая характеристика рационально-теоретического познания. Конечно, мы сплошь и рядом говорим о конкретности чувственного образа и об абстрактном мышлении.

Но, по справедливому замечанию глубокомысленного Козьмы Пруткова,

«Антонов есть огонь, но нет того закону,
Чтобы всегда огонь принадлежал Антонову».

чувственный образ, образ созерцания, столь же часто может быть и весьма абстрактным. Достаточно вспомнить геометрический чертеж или произведение абстрактной живописи. И наоборот, мышление в понятиях не

только бывает, но и должно быть конкретным в самом полном и строгом значении этого слова. Известно, что «абстрактной истины нет», что «истина всегда конкретна». И это вовсе не значит, что истинным может быть только чувственно-наглядный образ, созерцание отдельной вещи.

Конкретное в мышлении и выступает, по определению Маркса, в форме сочетания (синтеза) многочисленных определений. Логически связанная система определений как раз и есть та «естественная» форма, в которой осуществляется в мышлении конкретная истина. Каждое из определений, входящих в эту систему, отражает, само собой разумеется, лишь частичку, фрагмент, момент, сторону конкретной действительности, — и потому само по себе, взятое отдельно от других определений, оно абстрактно. Иными словами, конкретное в мышлении осуществляется через абстрактное, через свою собственную противоположность, и без него невозможно. Но в диалектике это вообще не исключение, а правило. Необходимость находится в точно таком же отношении со случайностью, сущность с явлением и т. д.

С другой стороны, каждое из многочисленных определений, входя в состав системы понятий конкретной науки, утрачивает в ней свою абстрактность, наполняется смыслом и значением всех других, связанных с ним определений. Отдельные абстрактные определения взаимно дополняют друг друга, благодаря чему и преодолевается абстрактность каждого из них, взятого порознь. Коротко говоря, в этом и заключается диалектика отношения абстрактного к конкретному в мышлении, отражающем конкретное в действительности. Диалектика абстрактного и конкретного в процессе теоретической обработки данных живого созерцания, в процессе переработки созерцания и представления в понятии и является предметом исследования в предлагаемой работе.

Разумеется, мы не можем претендовать на исчерпывающее раскрытие проблемы абстрактного и конкретного на всех ступенях процесса познания вообще, во всех формах отражения. В ходе образования чувственно-наглядного образа вещи тоже имеется своя, и очень сложная диалектика абстрактного и конкретного, тем более — при образовании представления, связан-

ного с речью, со словом. Память, также играющая колоссальную роль в процессе познания, заключает в своем составе не менее сложное отношение абстрактного к конкретному. Относятся эти категории и к процессу художественного творчества. Все эти аспекты мы вынуждены оставить без внимания, как предмет специального исследования.

Путь познания, путь, ведущий от живого созерцания к абстрактному мышлению, и от него — к практике, — это очень сложный путь. В каждом его звене совершается сложный диалектически-противоречивый процесс превращения конкретного в абстрактное и абстрактного в конкретное. Даже ощущение «огрубляет» конкретную действительность, даже в процессе непосредственного восприятия имеется момент перехода от конкретного в действительности — к абстрактному в сознании. И переход от живого созерцания к абстрактному мышлению — это вовсе не то же, что движение «от конкретного к абстрактному». К этому моменту он никоим образом не сводится, хотя этот момент в нем всегда присутствует. Одно и то же это только для того, кто конкретное понимает как синоним непосредственного наглядного образа, а абстрактное — как синоним мысленного, понятийного. Но в наши дни на этой точке зрения застряли только пошлые школки неокантианства и позитивизма.

Об отношении представления к понятию

Домарксистская логика, чуждая диалектическому взгляду на отношение чувственно-эмпирической и рациональной ступеней (форм) познания, не смогла, несмотря на все свои старания, дать четкого решения вопроса об отношении представления к понятию.

Понятие определялось то как словесное обозначение общего в ряде простых идей (представлений), как имя-термин (Локк, Гоббс), то просто как любое «представление о вещи в нашем мышлении» (Х. Вольф), то как «не-что противоположное созерцанию, так как оно есть некоторое общее представление или представление о том, что является общим для многих объектов созерцания» (И. Кант), то как «представление с определенным, одно-